

29.03.1992

Санкт-Петербург

- Когда Вы впервые услышали о забастовках в Польше и из каких источников?

В.П. - Я впервые услышал об этом в семидесятых годах, а если точнее, это был 1974 год. Я учился тогда в музыкальном училище в городе Житомире, оттуда до границы с Польшей около 500 километров, совсем рядом. Язык на то время я уже более-менее знал, изучал польский по некоторым личным причинам ещё раньше. А непосредственно, когда я учился в училище, был такой польский журнал "Панорама" на польском языке, он был большим дефицитом, но я его доставал. Обычно я приходил каждую неделю в совзпечать специально за этим журналом, брал его. Даже по сравнению с нашей прессой - почитаешь его и было легче дышать. Там было несколько страниц специфически о музыке, что меня особо интересовало. И естественно, читал какие-то интересные вещи, о которых сложновато было что-то найти в нашей прессе. Информация в частности о политике, естественно. Не знаю, сколько это длилось. Может, года два-три. Приблизительно до тех пор, пока я созрел до того, чтобы идти через границу.

- У Вас был личный интерес именно к Польше?

В.П. - Да, это был именно личный интерес к Польше. Может быть, это было просто на языковом уровне, когда это был мой первый язык, который я изучал - польский. Поэтому я естественно впитывал информацию о Польше как губка. Тогда было сложновато слушать радиостанции, типа "Свободы" или "Голоса Америки". Практически сплошной шум. Иногда если в середине ночи, часа в три-четыре утра включишь, можно что-то послушать. А на поль-

ском языке радиостанция "Свободная Европа", как ни странно, она практически без помех работала. То есть, была информация, которая переваривалась из поступающих источников зарубежных голосов на иностранных языках, плюс то, что я читал в "Панораме" и что-то сам додумывал, какие-то слухи доходили, какие-то люди приезжали. Житомир, это всё-таки ближе к западным районам. И потом в общем-то как-то уже формировалось мировоззрение, то есть, надо было кого-то одного признать неправым. Кто-то лжец, а кто-то прав. Потому что здесь у нас говорят одно в стране, а оттуда идёт информация, что всё совсем иначе. Что тут какие-то непонятные политзаключённые, которые неизвестно за что борются, туда попадают, что их убивают и так далее. Практически информация по стране не проходила. Если какая-то шумная статья, что-то появлялось, то это была очередная детективная история, которую прочитали, поразвлекались и забыли.

- Вы из польских радиостанций получали информацию о наших политзаключённых?

В.П. - Да, это был первоначальный этап вхождения в такую информационную коллизию между тем, что есть у тебя перед глазами и тем, что тебе говорят оттуда. Ну, а основание этой коллизии - начинаешь сам думать, сам искать, что же здесь происходит. Кому верить. И как-то получилось так, что я склонился в ту сторону. Решил, что верить больше стоит той информации, которая поступает из-за границы. Иначе если это ложь, то зачем её глушить. Пусть рассказывает, а нам покажут прекрасную действительность - как мы живём. Два-три года я созревал. Когда начала поступать информация непосредственно о польских профсоюзах. Но это уже было по-видимому

на эмоциональном уровне, я воспринимал это. У меня уже не было сомнений в том, что тот, чем пичкали нас, это откровенная ложь. Кто как реагировал на эту ложь. Кто-то спокойно принимал к сведению и делал своё дело, кто-то хотел избавиться от этой лжи и что-то предпринимал. Я наверное ^{более} эмоционально реагировал, чем мои сверстники. Какие-то самые фантастические планы, наверное, строил для того, чтобы пытаться что-то изменить.

- Это как-то обсуждалось в Вашем кругу?

В.П. - Да, естественно, это обсуждалось. Со своими друзьями я обсуждал это много раз. Если не все, то большинство из них были согласны, что всё это чушь, то, чем нас кормят, но что мы бессильны - вон какой монстр над нами давит. А мы слабые, ни информации у нас нет, ничего. И соответственно, ничего мы не можем изменить. И будем ждать. А мне ждать совсем не хотелось. И я решил, что буду сам что-то делать.

А эта идея созрела у меня буквально в течение двух-трёх недель. Что информацию о чём-то лучше получать из первоисточника. Но поскольку добраться до первоисточника можно было в тот момент только нелегально, то я решил, что вполне могу всё это сделать, почему бы и нет. И я вполне это сделал. Другое дело, что это сделано всё было очень по-дилетантски. А так, мне кажется, успех стопроцентный был.

- А то, что Вы собираетесь отправиться в Польшу, Вы обсуждали со своими знакомыми, или это единолично было?

В.П. - Нет. Я зондировал подобные возможности - уйти в Польшу. Без никакой конкретики, а просто так: "Интересно, а есть на границе какие-нибудь дыры, через которые могут проводить

проводники?" Вы же понимаете, что в 16-17 лет не очень понимаешь, как эта пограничная структура действует, тем более, при информационном голоде. Поэтому пытаешься подключить варианты известные, скажем, из деттивов.- На границе есть какие-то дыры, есть какие-то тайные тропы, по которым ходят контрабандисты. И знаешь, что легально не уедешь, можно только нелегально. Для того, чтобы снизить риск до минимума, нужно найти человека, который знает уже эти тропы, как туда пройти, чтобы не поймали. Что-то ему заплатишь, зато ты получишь всё, что тебе там надо и вернёшься обратно. Но это, естественно, на уровне мечтаний. А когда что-то начинаешь понимать, то ясно, что всё зависит от тебя одного. Тогда собираешься - духовно собираешься, потому что без вещей, без ничего. Психологически настраиваешься, берёшь с собой только фляжку чаю и фляжку водки. Причём самогона такого крутого. Для того, чтобы когда перейдёшь границу, полить следы, чтобы собака не могла взять. И вот с двумя фляжками.

- Совсем без вещей?

В.П. - Вот в чём был, в чём ходил на занятия, в том и пошёл. Приехал во Львов, изучил карту. Куда, откуда, как легче доехать. Доехал до погранзоны.

- Вы только во Львове стали думать, куда ехать?

В.П. - Нет, у меня уже были прикидки, естественно. Просто я же Львов не знаю, как город. Знаю только, куда мне нужно ориентировочно ехать. Я ориентировался на Шемьск, Перемышль.

- Почему туда, там же не было никаких событий?

В.П. - Ну и что, мне было просто важно попасть на территорию. Там я мог просто сесть на грузовой поезд и доехать туда,

куда мне надо. Главное было попасть на какой-то транспортный узел, где легче затеряться перебежчику из Советского Союза, где, зная худо-бедно язык я мог бы кое-как и прокормиться.

- Как Вы собирались кормиться?

В.П. - Трудно сказать. Я рассчитывал, что не помру с голоду, буду на месте ориентироваться. Экспромтом обычно всё всегда и удаётся. Разработанные планы чаще всего ломаются, а экспромт проходит. Пришёл я до Краковца. Это деревня. Метров 500 - и уже видна граница. Погранзастава стоит, потом метров через триста стоит пропускной пункт. Как ни странно, гуляя я полдня по этой деревне, опять же не осознавая, какому риску я себя подвергаю, потому что там должны были быть какие-то комсомольские и пионерские дружины и участковые, которые увидев незнакомое лицо, должны были бы меня немедленно задержать. И тем не менее я пошёл спокойно и покушал на свои деньги в столовую, погулял, полюбовался местными достопримечательностями, а потом пошёл в лесок и стал прикидывать. Там до границы подать рукой, метров сто. Как я смогу преодолеть. Два или три проволочных ограждения кольчей проволоки, КСП и дальше начинается граница. Поскольку у меня никаких сомнений не было в своих силах, я благополучно дождался двадцати часов, поскольку осень уже была, ноябрь, темно-рано...

- Это был ноябрь какого года?

В.П. - Это 1978 год. Как раз тогда мне через неделю или две исполнялось 18 лет. Когда я увидел, что пограничники уходят в другую сторону, я не спеша разнял эту проволоку, пролез

под ней, порвал что-то на себе, там зацепилось. Я не испытывал какого-то волнения, адренолин в крови в минимальных количествах присутствовал. Застава пограничников была метрах в 200 от того места, где я переходил.

- Вы были настолько уверены в успехе, что не испытывали страха?

В.П. - Не знаю, почему, но я не испытывал страха никакого. Это было что-то вроде такого, очень интересного приключения. Вроде как чувствовал, что бросаю вызов этим коммунаским структурам, которые не давали жить мне в духовном плане. А в остальном всё было нормально - перспективный студент, всё остальное в порядке было. В общем-то спокойно перешёл я эту границу и трусцой побежал в сторону Польши. Правда, потом уже я услышал через некоторое время сзади погоню, там собаки начали лаять, какие-то крики, топот.

- Вы полили самогоном свои следы на границе?

В.П. - Нет, я полил самогоном следы так, трусцой побежал. Потом залез в какое-то болото, уже темно было, я подумал, что застряну надолго. А потом я вышел к какой-то деревне и по дороге пошёл. Шестое чувство мне подсказывало, что нужно как-то беречься. Но я километров пятнадцать уже прошёл, пришёл на какое-то поле и ориентируюсь, куда мне нужно идти, по зареву видно, где какой-то город, откуда-то доносится шум движения железнодорожного. И я стал двигаться в ту сторону. Потом часа в два ночи вижу - едет машина. Едет и освещает фарами - то так, то так повернётся. И я уже помню, что меня ищут. Дошёл я до одной деревни. Поскольку всё это делалось одним дыханием... хотелось очень пить, не говоря уже о том, что есть хотелось. Ну,

и я, по мере возможности на чистом польском языке попросил попить. Там было какое-то предприятие автомобильное. И там стоит какой-то пьяный мужик, совершенно в стельку, яцек и со сторожем разговаривает. Они завели меня к себе, дали попить водочки. И тот здоровенный яцек куда-то ушёл, а мы с дедом начали разговаривать. Он говорит: "А тебя уже ищут". И тут изобразил невинность на своём лице, что я абсолютно легально захожусь в гостях, здесь у меня кто-то живёт.

- Вы не убежали сразу же?!

В.П. - Нет, я говорю, что это просто было совершенно без страха. Сейчас я бы всё более болезненно воспринимал, а тогда... Сидели, разговаривали. Я говорю: "Ну, что, я пойду." - "Нет, сиди теперь, сиди, скоро здесь наши ребята будут". Я говорю: "Ну ладно, посижу". И минут через двадцать приехали пограничники, обыскали меня и естественно, ничего не нашли. А там уже их дивизии весь лес прочесали. Провели целую операцию, несмотря на то, что это братская страна.

Вот так вот всё произошло. Привезли в Перемышль, через два дня передали советским властям. Сначала посадили в изолятор, потом, сделав скидку на мою молодость, взяли подписку о невыезде, месяц шло следствие. Решили дать мне три года за переход границы, потом решили, что не будут давать три года, если коллектив, где я учился меня возьмёт на поруки. Поскольку я отказался от того, чтобы коллектив меня брал на поруки, то за моей спиной провели собрание.

- Вы хотели связаться в Польше с рабочими группами или с Комитетом защиты рабочих?

В.П. - Я хотел выйти на те структуры, которые, сейчас я это могу так определить, которые занимались борьбой против комму-

нистического режима. То есть, я для себя на тот момент не ставил задачу именно связаться с рабочим движением или с профсоюзами. Для меня было важно выйти на контакт с группами, которые были настроены антикоммунистически. Это моя идея фикс была.

- Связаться, чтобы с ними работать, сотрудничать?

В.П. - Нет, для того, чтобы перенести это на свою страну. То есть, я прекрасно отдавал себе отчёт в том, что я молод, что я ничего не знаю, ничего не умею и мне нужно какой-то опыт получить. Нужно получить информацию, поддержку какую-то. И я предполагал, что смогу её там получить. Как я буду это делать, у меня было очень смутное представление. Только рассчитывал на экспромт.

- Вы были настроены не на эмиграцию, а на возвращение?

В.П. - Я был настроен на возвращение. Конечно. Какая эмиграция может быть в семнадцать лет.

- Вы рассчитывали, что они будут Вам поставлять информацию?

В.П. - Тут не информация, тут уже шёл вопрос о том, что люди борются с коммунистами, не знают, как это делать, а в Польше уже команда какая-то большая и они мне расскажут, как мне нужно делать. Что я смогу какой-то опыт у них получить. Естественно, что я рассчитывал и информацию какую-то получать интересную. Не зная, с кем бы я мог там связаться, но главное, что мне нужно было бороться с коммунистами. Идея фикс у меня была.

- Вам казались удачными методами борьбы забастовки? Или Вы предпочитали подпольную деятельность в своих планах будущих?

В.П. - Вы знаете, я ориентировался больше не на забастовки, а видя разложение всего коммунистического аппарата, я думал, что им нужно помочь разложиться до полного гниения, когда труп нач-

нёт вонять, когда все увидят это и все учуют этот запах. Поэтому к рабочему движению у меня никакого отношения. Я смутно представлял, что это такое. Казалось, что поднять советских рабочих на какую-то забастовку, это гиблое дело. Наверное, так и было. Это практически невозможно было. Для нашей страны я рассчитывал на другое. Для начала какая-то подпольная борьба, создание каких-то структур. А там уже - ну, посмотрим. Я не строил какие-то грандиозные планы, ещё не окупившись в это. Я рассчитывал, что подучусь немножко, познакомлюсь, а дальше посмотрим.

- А когда Вы вернулись в Союз, уже после польской революции Вы стали получать уже какие-то их воззвания?

В.П. - Приезжали несколько поляков к моим знакомым, которые эти бумажки привозили и рассказывали, что у них творится. Но насколько я сейчас понимаю, это были люди на уровне наших людей, которые всё понимают и всего боятся и говорят об этом на кухне. То есть, они об этом рассказывают, но в то же время так: "а вдруг то, что мы говорим, станет известно?" КГБ или польской службе.

- Польская интеллигенция?

В.П. - Да, да. Но тем не менее несколько листочков они привезли на польском языке. При обыске у меня, конечно, всё это изъяли. Во всяком случае после этих событий жизнь мне совсем не мила стала, что конечно, сыграло положительную роль в моих дальнейших отношениях с этой властью.

- В 1980-е годы у Вас не было желания проявить солидарность к "Солидарности"?

В.П. - Естественно, естественно. Понимаете, получилось так, что я в 1979 году закончил музыкальное училище, нужно было оп-

ределяться. В армию у меня была отсрочка в связи с окончанием музыкального училища. И я решил, что мне лучше уехать из города и я уехал на Дальний Восток. Там я немножко шифровал свой английский язык. Я его к тому времени неплохо знал. Там я в интерклубе работал.

- Вы любите учить иностранные языки?

В.П. - Это было одно из увлечений моих. Изучая язык, изучаешь и страну. Опять же, были такие планы, что во Владивостоке можно было поступить в Университет восточных языков, Восточный факультет. Скажем так, если не получилось с Европы зайти, то можно зайти с Азии. Но тут меня как раз забрали в армию, где пришлось два года в Хабаровске отслужить под бдительным оком спецслужб наших. А потом было то, что было. Был Питер, организация и срок. А планов было много... Одним словом - так формировались некоторые диссиденты.

- Как Вы оцениваете польские события с сегодняшней точки зрения?

В.П. - Как раз, Польша, это первое - при помощи рабочих, как раз в Польше люди объединены одной верой, там костёл играл огромную роль в жизни людей, цементирующую роль. И легче было там начать эту борьбу именно на уровне рабочих, то, что у нас было невозможно. Это было как раз то болото, которое первое стало пускать пузыри, которое первое чуть-чуть подточило фундамент коммунистического правления в Европе и стало таким фундаментом, на который люди как-то ориентировались. То есть, это был прецедент, по которому можно было судить, что, в общем-то коммунисты, они не так-то плотно могут управлять. Что есть силы, которые могут им сопротивляться и довольно успешно. Чем и послужило свидетельством введение военного положения

Ярузельским. Оказалось, что это был очень хороший тактический ход со стороны Ярузельского. Потому что в противном случае планировался опять ввод войск в Польшу. Если бы не было введено военное положение, значит, были бы туда введены наши войска. С этой точки зрения всё правильно. С другой стороны, они настолько не могли контролировать ситуацию в Польше, настолько рабочее движение уже обрело силу, что действительно, уже надо было вводить военное положение, чем они сами себе в конечном счёте и подписали приговор. То есть, Польша оказала такое влияние, естественно, не только на меня, а на многих я уверен людей в том плане, что это оказалось демонстрацией того, что коммунисты уже всё - начинают подыхать просто-напросто.

Интервью взяла Софья Чуйкина /НИЦ "Мемориал" С. - Петербурга/
29.03.1992